

Научная статья
УДК 340

**НАКАЗАНИЯ В РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ДОГОВОРАХ
911 Г. И 944 Г.**

Дмитрий Алексеевич Огорелков
Омская академия МВД России, Омск, Россия,
ogorelkov97@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1230-113X

Аннотация. В статье представлен анализ норм о наказаниях за преступные деяния, предусмотренных в первых письменных памятниках отечественного права – договорах Руси и Византии 911 г. и 944 г. Опираясь на историко-правовой, хронологический и формально юридический методы исследования, автор рассуждает о видах и содержании наказаний, подходах к избранию вида наказания по нормам договоров, затрагивает отдельные вопросы составов преступлений, зафиксированных в рассматриваемых источниках права. Показаны сходства и отличия в санкциях аналогичных норм данных источников. В качестве выводов представлены характерные черты развития уголовно-правовых санкций в рассматриваемых документах, дана обобщающая характеристика видам наказаний по нормам договоров. Особое внимание уделено анализу содержания уголовного наказания в виде штрафа. Показана преемственность и развитие некоторых положений, закрепленных в договорах, в современном уголовном законе.

Ключевые слова: договоры Руси и Византии, наказание, кровная месть, имущественные наказания, выкуп, штраф.

Для цитирования: Огорелков Д. А. Наказания в русско-византийских договорах 911 г. и 944 г. // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 1 (103). С. 10–18.

Original article

**PUNISHMENTS IN THE RUSSIAN-BYZANTINE TREATIES
OF 911 AND 944**

Dmitry A. Ogorelkov
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia,
ogorelkov97@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1230-113X

Abstract. The article presents an analysis of the norms on punishments for criminal acts provided for in the first written monuments of Russian law – the treaties of Russia and Byzantium of 911 and 944. Based on historical-legal, chronological and formally legal research methods, the author discusses the types and content of punishments, approaches to choosing the type of punishment according to the norms of treaties, touches on certain issues of the composition of crimes recorded in the considered sources of law. The similarities and differences in the sanctions of similar norms of these sources are shown. As conclusions, the characteristic features of the development of criminal law sanctions in the documents under consideration are presented, a generalizing characteristic of the types of punishments according to the norms of treaties is given. Special attention is paid to the analysis of the content of criminal punishment in the form of a fine. The continuity and development of some provisions enshrined in contracts in modern criminal law is shown.

Keywords: treaties of Russia and Byzantium, punishment, blood feud, property punishments, ransom, fine.

For citation: Ogorelkov D. A. Punishments in the Russian-Byzantine treaties of 911 and 944 // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (103). P. 10–18. (In Russ.)

© Огорелков Д. А., 2024

Введение

Одной из наиболее важных функций юридической науки является функция юридического прогнозирования, ведь в конечном итоге уровень развития науки обуславливает трансформацию законодательства и практики его применения, оказывает влияние на государственно-правовые процессы. При этом в своей основе прогнозирование опирается на изучение прошлого опыта с целью недопущения тех ошибок, с которыми человечеству уже пришлось сталкиваться ранее, а иногда и для того, чтобы вновь вернуться к каким-либо существовавшим ранее правовым явлениям, скорректировав их с учетом новых реалий. Не случайно в сферу исследования юридического прогнозирования включены правовые явления и процессы прошлого, а среди видов прогнозов, в первую очередь, выделяют ретроспективный прогноз [1, с. 27–28].

Без регулярного обращения к прошлому отечественному правовому опыту невозможно полноценное исследование системы уголовных наказаний, в том числе для формирования предложений по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

Наказание как основная мера противодействия государства преступности является сложным и динамично развивающимся правовым явлением, соответствующим условиям развития государства и права конкретного исторического периода. Именно с помощью наказания происходит усиление борьбы с наиболее опасными проявлениями противоправного поведения, а также ослабление такой борьбы, например, в случае уменьшения общественной опасности конкретного деяния, а также по иным причинам.

С течением времени система наказаний претерпевает изменения: отдельные виды наказаний прекращают свое существование, другие же, наоборот, появляются на более поздних этапах развития общества и государства и обусловлены процессами, протекавшими в общественно-правовой жизни, третьи, успешно трансформированные законодателем, продолжают оставаться эффек-

тивным инструментом в руках правоохранительных органов государства.

Методы

Неоценимую помощь современным разработкам в области истории государства и права России, а также отраслевым научным исследованиям оказывает историко-правовой метод, позволяющий провести анализ норм законодательства минувших эпох, предусматривающих ответственность и закрепляющих виды наказаний за совершение противоправных деяний. Весьма важен хронологический метод, с помощью которого проблемы системы наказаний и отдельных видов государственного принуждения можно рассмотреть в своем последовательном историческом развитии, вычленять определенные качественно различающиеся или схожие этапы регламентации того или иного явления. Третьим методом, использованным при написании настоящей работы, стал формально-юридический, применяющийся при анализе правового материала прошлого с помощью современных терминов, конструкций и логики, используемых в современной юридической науке. Сравнительно-правовой метод позволил провести сопоставление норм Договоров 911 г. и 944 г., что сделало возможным выявить общее и отличия в регламентации уголовных наказаний.

Результаты

Одними из наиболее ранних для нашего государства мер противодействия преступности являются имущественные наказания в различных вариациях.

Отраслевые юридические исследования, особенно посвященные отдельным вопросам наказания в сфере уголовного права, нередко начинаются с анализа норм широко известного отечественного памятника права – Русской Правды. При этом часто в работах не уделяется должного внимания тому факту, что первыми письменными источниками, в которых фигурируют вопросы квалификации преступлений, ответственности и наказания, являются договоры Руси с Византией 911 г. и 944 г. В исследованиях можно встретить утверждение: «первым письменным источником права не только уголов-

ного, но и иных отраслей русского права является Русская Правда» [см. 2, с. 309]. Однако Договоры Руси с Византией, в которых закреплены не только уголовно-правовые нормы, но и нормы международного права, процессуального права, наследственного права, нормы о выкупе пленников и т. д., были заключены до создания Русской Правды, особенно ее поздних редакций.

Договоры, являясь свидетельством не только тесной связи Руси и Византии в культурном, экономическом, политическом плане, демонстрируют взаимопонимание уголовно-правовых норм византийского и русского права и взаимопринятие представленных в договорах видов наказаний обеими сторонами. На этом основании можно считать справедливым не только утверждение того, что нормы, узаконенные в договорах, были известны обычному праву славян, как заключает М. Б. Свердлов: «Русско-византийские договоры первой половины X в. указывают на существование Закона Русского, который при заключении письменных договорных актов в равной мере учитывался наряду с писаным византийским правом – Законом Греческим» [3, с. 5], – но также и то, что установленные в статьях договоров виды уголовных наказаний к тому времени уже существовали не только в Византийских законах, но и в обычном древнерусском праве.

В договорах отражен выработанный сторонами подход, предусматривающий ответственность (наказание) русских и византийцев, совершивших запрещенные деяния, а в качестве средств воздействия на преступников были закреплены кровная месть и имущественные взыскания, которые на сегодняшний день в российском уголовном законодательстве именуется наказанием в виде штрафа и существовавшей до недавнего времени в качестве наказания, а ныне иной мерой уголовно-правового характера – конфискации имущества.

Согласно нормам договоров, имущественные взыскания предусматривались за преступления против жизни и здоровья: убийство, причинение вреда здоровью, а

также преступления против собственности: тайное или открытое хищение чужого имущества, в том числе с применением насилия.

Так, ст. 4 Договора 911 г. предусматривала, что убийство русским греком или наоборот влечет кровную месть со стороны родственников убитого на месте совершения преступления. Однако тут же указано, что если убийца скрылся и при этом оказался имущим, то есть способным материально загладить нанесенную обиду, то он должен отдать (выплатить) положенную часть имущества родственникам убитого. При этом жена убийцы также может оставить себе ту часть имущества, которая по обычаю положена ей. В том случае, если убийца окажется неимущим и скрылся, то при обнаружении его ожидает расправа (месть) со стороны родственников убитого [4, с. 7, 11].

Относительно данной статьи в литературе можно встретить мнение о том, что в Договоре 911 г. (как, впрочем, и в любом законодательстве) наблюдается выраженный классовый характер наказания, так как зажиточный человек откупается от наказания, а бедняка ждет кровная месть либо на месте преступления, либо при его последующем обнаружении. Так, это отмечает профессор Р. Л. Хачатуров, указывая, что статья об ответственности за убийство «различает зажиточную часть общества и бедную и защищает интересы имущего класса» [5, с. 337]. Классовый подход при оценке уголовно-правовых явлений, в том числе имущественных наказаний, характерен для советской науки, так как сама доктрина советского уголовного права изначально строилась на классовом подходе к пониманию права [см. 6; 7; 8 и др.]. Практически сразу после становления советской власти Постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г. были приняты Руководящие начала по уголовному праву, во введении к которым отмечался слом системы буржуазного права, служившего «в угоду господствующим классам», указывалось, что «... пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов...», в ст. 3 при провозглашении задач уголовного права

опять же подчеркивалось: «Советское уголовное право имеет задачей посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс...» [9, с. 63–64]. Как справедливо отмечает профессор А. В. Шеллер в работе, посвященной идеологическим основам советского уголовного права, советский подход к пониманию права изначально строился как классовый и был сформулирован еще К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии», поэтому советское уголовное законодательство не могло не опираться на утверждение классовой сущности наказания в любую эпоху [10, с. 99–111].

Однако если справедливость классового подхода при оценке уголовных наказаний в отношении более позднего законодательства не относится к предмету нашего размышления в настоящей статье, то однозначность применения данного подхода к оценке норм Договора 911 г. вызывает большие сомнения.

Во-первых, традиционно считается, что первой формой наказания была кровная месть, которая была заменена имущественными наказаниями лишь с усилением в общественной жизни роли государства с целью извлечения последним материальной выгоды. В то же время существует мнение, согласно которому имущественные взыскания всегда были присущи организованному человеческому обществу. Так, еще в начале XX в. И. М. Радин на основе анализа отечественной и зарубежной истории развития уголовной ответственности и наказаний констатирует, что «выкуп – явление, столь же присущее всем народам древности, как и месть» [11, с. 281]. Таким образом, можно предположить, что в человеческом обществе, в котором усложняется организация общественной и государственной жизни, в частности в племенных союзах славян, в которых было развито скотоводство, земледелие, а также и сложные виды ремесла, свидетельствовавшие о потенциальной возможности уплачивать штрафы в материаль-

ном либо денежном виде, в период, предшествующий образованию Древнерусского государства, имущественные взыскания уже могли существовать и активно применяться.

Во-вторых, дело в том, что сильная центральная власть, выражающая интересы сугубо имущих социальных групп (классов), таких как князья, бояре, заинтересованных в собственной безнаказанности, но неотвратимом наказании неимущих слоев населения, их угнетении, в самом начале X в. еще находилась в стадии формирования и не была выражена так явно, как в последующие периоды. В условиях окончания периода военной демократии и начала становления раннефеодальных отношений имущественное неравенство не являлось единственно значимым фактором в процессе избрания наказания. Обычное право, превалировавшее в то время, существовавшее и применявшееся на Руси славянскими племенами, есть не выражение воли господствующего класса, а нормы правовых обычаев, не входящие в противоречие с общественным правопониманием всех слоев населения, следовательно, соответствующие представлениям о справедливости и интересам всех социальных групп (классов). Исходя из этого, полагаем, что возможность применения штрафа (выкупа) за совершение преступления обусловлена вовсе не тем, что господствующий класс пролоббировал закрепление такой нормы в 911 г. с целью откупа от правосудия при совершении преступлений. Ответ кроется в том же формационном подходе. По мере развития экономических отношений, появления прибавочного продукта, то есть предметов, представляющих экономическую ценность в условиях технологической ограниченности добычи ресурсов, более рациональным для любого человека постепенно стало не удовлетворение своего желания отмщения, воздаяния злом за зло обидчику (особенно если месть затруднялась отсутствием подходящего субъекта для исполнения отмщения), а получение от обидчика материальных благ, причем довольно значительных. В таком случае бедный преступник уничтожается физически не из-за того, что он сам по себе относится к неимущему классу, а по следующим

причинам: если преступник не может материально компенсировать причиненный вред, то потерпевший остается неудовлетворенным, а, следовательно, властью допускается «право мести» со стороны потерпевшего, ведь других видов наказаний договоры не предусматривают. Иначе все общество, оставив деяние безнаказанным, продемонстрировало бы отсутствие эффективного социального регулятора, способного осуществлять превенцию неправомерного поведения, как индивидуальную, так и общую.

Дальнейшую замену кровной мести денежным выкупом (штрафом) И. А. Подройкина справедливо связывает с усилением роли князя, а, следовательно, с необходимостью удовлетворения его интересов (а не только интересов потерпевшей стороны), а также сохранения своих подданных [12].

В-третьих, важно отметить, что по Договору 911 г. не государство как продукт легализации господствующего класса было исполнителем наказания, а само общество в лице потерпевшей стороны. Наказание осуществляли родственники убитого – только они могли получать материальные блага или осуществлять кровную месть. Дореволюционные исследователи считали: «в настоящее время право наказания преступника принадлежит исключительно государству, а в древности оно первоначально имело частный характер: наказывал потерпевший или его родственники» [11, с. 279–280]. К таким частным наказаниям и относился штраф (выкуп) в пользу потерпевшего или его родственников.

Принимая во внимание изложенное, нельзя однозначно утверждать, что имущественные взыскания в раннефеодальный период развития общества и государства являлись не столько объективно обусловленными условиями жизни и представлениями общества о справедливом наказании, сколько классовым средством угнетения бедных богатыми. Единственное, в чем мог быть заинтересован только формирующийся правящий класс феодалов – это в наведении порядка на подконтрольной территории посредством установления четких наказуемых

запретов, а также в сохранении населения от внутренних распрей и бесконечной мести одного рода другому, и наоборот.

Таким образом, мы видим, что уже в начале X в. и развитая Византийская империя, и Древнерусское государство не поддерживают кровную месть и стараются ее ограничить в тех случаях, когда потерпевший может получить имущественную компенсацию. Данная тенденция в дальнейшем приводит к отмене кровной мести.

В ст. 5 Договора 911 г. установлен штраф за причинение вреда здоровью мечом или другим предметом в размере 5 литров серебра. В том случае, если у виновного нет средств, «то пусть даст сколько может вплоть до того, что даже снимет с себя те самые одежды, в которых ходит» и принесет присягу по своей вере, что никто ему не может помочь [4, с. 7, 11, 12]. В таком случае штраф с него не взыскивается. Налицо тот факт, что наказание в данном случае не ограничивается имеющимся личным имуществом, преступник должен обратиться за помощью к близким лицам, но при этом он не наказывается больше, чем нужно и чем возможно, личных прав не лишается.

Далее в ст. 6 предусматривался штраф за совершение кражи. Если вор застигнут в процессе совершения кражи и оказал сопротивление, то разрешается его убийство, однако если вор прекратит посягательство и добровольно сдастся, то будет должен вернуть стоимость предмета посягательства в тройном размере [4, с. 7; 12]. Весьма примечательно, что впервые фигурирующий в данном документе кратный способ исчисления штрафа в 2011 г. был введен в Уголовный кодекс Российской Федерации как новый прогрессивный способ борьбы с коррупционными преступлениями, связанными с получением, в первую очередь, именно имущественной выгоды.

Аналогичное наказание – кратный штраф в тройном размере – установлен в ст. 7 за грабеж или разбой: «причиняя страдания и явно творя насилие, возьмет что-нибудь принадлежащее другому, пусть возместит убытки в тройном размере» [4, с. 8, 12].

Выводы по Договору 911 г.

При наказании преступника посредством имущественного взыскания власть не являлась выгодоприобретателем в материальном плане, весь выкуп (штраф) получала потерпевшая сторона. Как верно отмечал Н. Д. Сергиевский: «Первичною из целей, влияющих на образование карательных мер, является стремление дать удовлетворение пострадавшему, умиротворить его. Отсюда – испрошение прощения обидчиком у обиженного и система денежных штрафов в пользу пострадавшего, совершенно вымирающая в наши дни, но занимающая видное место в старом праве по наследию от древнейших эпох государственной жизни» [13, с. 22].

Предметом штрафа могли являться как денежные средства, так и имущество в натуральном виде, в том числе личные предметы (одежда).

Было установлено три способа исчисления штрафа: абсолютные денежные величины (5 литров серебра), имущество (даже снимет с себя одежды), кратный штраф (трехкратная эквивалентная стоимость похищенного).

Отсутствовала дифференциация размера штрафа в зависимости от социального положения потерпевшего или пострадавшего, что характерно для всех норм, охраняющих жизнь, здоровье и право собственности. Таким образом, фокус наказания был нацелен на удовлетворение потерпевшего, а не на социальное положение виновного.

Договор 944 г. представляет собой некоторые отличия в содержании санкций уголовно-правовых норм от санкций, закрепленных в предыдущем Договоре 911 г.

В ст. 5 предусматривалось наказание штрафом за грабеж с сохранением кратного способа исчисления, однако его размер был уменьшен до двукратного [4, с. 32, 38].

Изменению подверглась также норма об ответственности за совершение кражи (ст. 6). Согласно данной статье, уже отсутствует возможность убить вора, застигнутого в момент совершения преступления, санкция предусматривает только штраф в

двойном размере, эквивалентном стоимости похищенного – «пусть отдаст вдвойне его цену» [4, с. 32–33, 38].

В ст. 13 сохраняется норма о наказании за убийство, таковым остается кровная месть со стороны родичей убитого либо выкуп в пользу родственников. Однако в предыдущей норме (ст. 12) устанавливается: «Если же будет совершено какое-либо злодеяние греками, <...>, то (Вы) не имеете права их (самовольно) наказывать, но согласно повелению нашего царского величества пусть получают (они наказание) в меру своих проступков» [4, с. 33–34, 39]. В отношении наказания греками русских преступников подобного правила не предусматривалось. Таким образом, можно заключить, что византийская сторона добилась существенной привилегии в сфере назначения и исполнения наказания по отношению к своим подданным.

В ст. 14 практически полностью сохранена норма о причинении вреда здоровью, но и она имеет некоторые отличия. Если по Договору 911 г. преступник должен был поклясться, что не только сам ничего не имеет, но и помочь ему в выплате штрафа никто не может («присягнет согласно своей вере, что никто не может помочь ему»), то по Договору 944 г. он обязан принести клятву только в отношении себя и своего материального положения («присягнет, согласно своей вере, что ничего не имеет, и да будет отпущен») [4, с. 34, 39]. В данном случае налицо более гуманный и индивидуализированный характер назначения наказания. Хотя, принимая во внимание, что «При такой ответственности всех членов рода один за другого, значение отдельного лица необходимо исчезало перед значением рода; одно лицо было немислимо без рода; известный Иван Петров не был мыслим как один Иван Петров, а был мыслим только как Иван Петров с братьями и племянниками» [цит. по: 14, с. 113], можно сделать вывод о том, что, говоря языком современного Уголовного кодекса Российской Федерации, оставался учет имущественного положения не только осужденного, но и его семьи (ч. 3 ст. 46 УК РФ).

В завершение стоит отметить, что Договор 911 г. заключался после войны между Русью и Византией, которая завершилась победой русского войска в 907 г. Все его нормы предусматривают равную ответственность за содеянное как русским, так и византийцем. Ответственность за имущественные преступления строгая – трехкратный штраф. Договор 944 г. был заключен после крайне неудачного похода русского войска в войне 941–944 гг. В связи с этим изменился и характер норм договора. Возможность осуществления русскими кровной мести по кругу мстителей и по количеству деяний была сужена [15, с. 15–16], а в некоторых случаях потерпевшими могли выступать только греки. Полагаем, данный факт оказал дальнейшее влияние на распространение штрафа на русско-византийском государственно-правовом пространстве, так как из-за ограничения кровной мести именно имущественные наказания нашли более широкое применение.

Заключение

На основании изучения норм договоров 911 г. и 944 г. можно кратко сформулировать основные выводы.

В период составления русско-византийских договоров X в. в качестве наказания за наиболее опасные для общества деяния применялось два основных средства воздействия: кровная месть и имущественные взыскания (штраф).

Оба вида наказания были известны обычному древнерусскому праву в предшествующее время.

Наказание по договорам не имеет выраженного классового подхода к избранию конкретного вида и не является средством угнетения имущими слоями неимущих, так как исходит не от господствующих классов (в силу их несформированности на данном этапе), а от общества в лице потерпевшей стороны. Кровную месть могут осуществлять ближайшие родственники убитого. Отсутствует дифференциация штрафа в зависимости от социального положения потерпевшего (объекта преступления) и преступника (субъекта преступления), что было бы характерно для классового подхода к избранию наказания. Подтверждением нашего вывода также служит и тот факт, что в случае применения имущественной санкции весь размер штрафа поступает потерпевшей стороне, а не государству.

Кровная месть постепенно ограничивалась и уже по Договору 944 г., в отличие от Договора 911 г., возможность ее осуществления сужена в пользу имущественных наказаний.

Имущественные наказания распространены в нормах договоров и установлены за основные преступления против жизни и здоровья: убийство, причинение вреда здоровью, а также основные преступления против собственности: кражу, грабеж, разбой.

В статьях договоров предусматривалось три способа исчисления штрафа: в абсолютных денежных величинах (литр серебра), в имуществе (даже снимет с себя одежды), а также в размере, эквивалентном стоимости похищенного (кратный штраф).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования Российской правовой системы // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 25–36.
2. Ковалев А. Ф. Формирование системы и целей уголовного наказания на раннем этапе развития отечественного государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 308–311.
3. Свердлов М. Б. От закона Русского к «Русской правде». М.: Юридическая литература, 1988. 176 с.
4. Памятники русского права / под ред. проф. С. В. Юшкова. Выпуск 1. М.: Юридическая литература, 1952. 287 с.
5. Памятники Российского права в тридцати пяти томах. Том первый. Памятники права Древней Руси / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Издательство Юрлитинформ, 2013. 528 с.

6. Никулин В. В. Классовые принципы системы наказания в советском уголовном законодательстве (1920-е гг.) // Вестник ТГУ. 2009. № 12. С. 408–411.
7. Никулин В. В. Уголовно-правовая политика и институт наказания в уголовном праве советской России (1920-е гг.) // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 3. С. 77–82.
8. Никулин В. В. Советская система наказания: базовые особенности и классовая специфика (1920–1930 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 308–310.
9. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 годов. М.: Зерцало, 1997. 592 с.
10. Шеслер А. В. Идеологические основы уголовного законодательства советского периода о преступлении и наказании // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1. С. 99–111.
11. Радин И. М. История русского права. Периоды: древний, московский и императорский. СПб, 1910. 372 с.
12. Подройкина И. А. Виды наказаний в законодательстве Древней Руси и периода феодальной раздробленности // ИСОМ. 2014. № 6-1. С. 330–345.
13. Чучаев А. И. Уголовно-правовые взгляды Н. Д. Сергеевского. М.: Проспект, 2013. 520 с.
14. Корсаков К. В. Истоки и предтеча современного уголовного наказания: равновозмездный принцип талиона и институт кровомщения в старорусском праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 2. С. 112–118.
15. Георгиевский Э. В. Уголовно-правовая характеристика международных договоров и соглашений древней и средневековой Руси X–XV вв. // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2. С. 14–20.

REFERENCES

1. Agamirov K. V. Legal forecasting as a factor in improving the Russian legal system // Journal of Russian Law. 2018. No. 8. P. 25–36. (In Russ.)
2. Kovalev A. F. Formation of the system and goals of criminal punishment at the early stage of development of the domestic state // Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2. P. 308–311. (In Russ.)
3. Sverdlov M. B. From the Russian Law to the “Russkaya Pravda”. М.: Legal literature, 1988. 176 p. (In Russ.)
4. Monuments of Russian law / ed. prof. S. V. Yushkova. Issue 1. М.: Legal literature, 1952. 287 p. (In Russ.)
5. Monuments of Russian law in thirty-five volumes. Volume one. Monuments of law of Ancient Rus’ / edited by R. L. Khachaturova. М.: Yurlitinform Publishing House, 2013. 528 p. (In Russ.)
6. Nikulin V. V. Class principles of the punishment system in Soviet criminal legislation (1920s) // Bulletin of TSU. 2009. No. 12. P. 408–411. (In Russ.)
7. Nikulin V. V. Criminal legal policy and the institution of punishment in the criminal law of Soviet Russia (1920s) // Society: politics, economics, law. 2013. No. 3. P. 77–82. (In Russ.)
8. Nikulin V. V. The Soviet system of punishment: basic features and class specificity (1920–1930) // Theory and practice of social development. 2014. No. 3. P. 308–310. (In Russ.)
9. Reader on the history of the Russian state and law of 1917–1991. М.: Zertsalo, 1997. 592 p. (In Russ.)
10. Shesler A. V. Ideological foundations of the criminal legislation of the Soviet period on crime and punishment // Bulletin of Kuzbass Institute. 2021. No. 1. P. 99–111. (In Russ.)
11. Radin I. M. History of Russian law. Periods: ancient, Moscow and imperial. St. Petersburg, 1910. 372 p. (In Russ.)
12. Podroikina I. A. Types of punishments in the legislation of Ancient Rus’ and the period of feudal fragmentation // ISOM. 2014. No. 6-1. P. 330–345. (In Russ.)
13. Chuchaev A. I. Criminal legal views of N. D. Sergeevsky. М.: Prospekt, 2013. 520 p. (In Russ.)
14. Korsakov K. V. Origins and forerunner of modern criminal punishment: the equal compensation principle of talion and the institution of blood vengeance in Old Russian law // Bulletin of Udmurt University. Series “Economics and Law”. 2015. No. 2. P. 112–118. (In Russ.)
15. Georgievsky E. V. Criminal-legal characteristics of international treaties and agreements of ancient and medieval Rus’ in the 10th–15th centuries. // Siberian Legal Bulletin. 2004. No. 2. P. 14–20. (In Russ.)

Информация об авторе:

Д. А. Огорелков, кандидат юридических наук.

Information about the author:

D. A. Ogorelkov, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted 26.09.2023; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 21.03.2024.